

РЕЦЕНЗИИ

«Проблемы двуязычия и многоязычия» — М., «Наука», 1972. 359 стр.

Проблематика двуязычия и языковых контактов занимает в современном языкознании все более важное место. Длительная недооценка этих явлений, свойственная вначале лингвистам младограмматического направления, а затем и ранним структуралистам, постепенно сменилась осознанием того факта, что языки неизбежно существуют не в пустоте, а в том или ином иноязычном окружении, сталкиваются и соприкасаются с другими языками, причем это соприкосновение оказывает значительное воздействие на их функционирование и развитие. Особое значение изучению данных вопросов придает их непосредственная связь с языковой политикой и языковым планированием.

Вместе с тем литература по вопросам двуязычия и языковых контактов, ставшая на протяжении XX в. и особенно за последние два десятилетия весьма обширной, отражает далеко не завершенный характер соответствующих теорий, разноречивой, все еще существующей в этой новой отрасли языкознания. Несмотря на значительный вклад, сделанный советскими исследователями в изучение рассматриваемой проблематики, ощущается настоятельная необходимость в создании работ, обобщающих опыт двуязычия и многоязычия в ареале языков народов СССР и построенных на основе марксистско-ленинской методологии.

Сказанным определяется несомненная актуальность и ценность коллективного труда «Проблемы двуязычия и многоязычия», отражающего итоги первой конференции всесоюзного значения по данным проблемам, которая была проведена Научным советом «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций», Институтом языкознания АН СССР, Институтом русского языка АН СССР и Институтом языка и литературы АН Туркменской ССР в Ашхабаде в 1969 г. По широте круга поставленных вопросов, по четкости их методологического обоснования, по охвату привлеченных для анализа языков эта книга сразу же заняла особое место в научной литературе.

Материалы рецензируемой коллективной монографии, объединяющей 53 публикации 58 авторов, можно, с известной степенью условности, разделить на три цикла: наиболее общие теоретические

вопросы двуязычия, частные теоретические вопросы двуязычия и, наконец, работы, посвященные конкретному анализу языковых ситуаций и видов двуязычия в тех или иных районах Советского Союза, а отчасти и зарубежных стран.

В работах общего характера уточняется само понятие двуязычия, определяются его основные типы и аспекты, его социальное значение, устанавливаются этапы истории двуязычия, изучается соотношение языка и мышления при двуязычии, изучается сущность интерференции.

Указанные вопросы далеки от однозначного решения в мировой лингвистической литературе, поэтому включенный в монографию очерк Н. А. Катагощиной «Проблема двуязычия и многоязычия за рубежом» не только знакомит читателя с рядом работ (преимущественно англо-американских), но и позволяет полнее оценить на их фоне новые положения, содержащиеся в обсуждаемом труде. Автор выделяет три основных направления разработки проблемы двуязычия за рубежом: 1) изучение языковой ситуации в развивающихся странах; 2) постановка отдельных проблем и разработка методов изучения двуязычия; 3) исследование результатов языковых контактов, т. е. конвергенции языков.

Отмечая конструктивный характер общественно-функциональной классификации языков А. Мартине, интересной, хотя и односторонней, количественной классификации сосуществующих языков Ч. Джергусона, доказательность утверждений Дж. Кнапперта о языковой ситуации в Уганде и др., Н. А. Катагощина в то же время справедливо указывает на тенденциозность, например, подхода Р. Ле Пажа к новым национальным языкам, на свойственную многим авторам недооценку социальной значимости двуязычия. Кроме того, обзор свидетельствует о явно недостаточной определенности ряда важнейших понятий, таких, как «язык» и «диалект», «двуязычие», «родной язык» и т. д.

Авторы коллективной монографии в понимании двуязычия исходят из того бесспорно правильного положения, сформулированного Ф. П. Филиным, что «абсолютно одинаковое владение двумя языками встречается не часто. Следовательно, при определении понятия двуязычия не следует придерживаться слишком

жестких формулировок» (стр. 25). Соответственно, двуязычие трактуется как динамическая категория, подразумевающая «знание двух языков в известных формах их существования в такой мере, чтобы выражать и излагать свои мысли в доступной для других форме...», а также умение воспринимать чужую речь, сообщения с полным пониманием (Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко, Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия, стр. 35). Подчеркивается, что при определении двуязычия следует исходить не из степени владения и, тем более, не из обязательности мышления на двух языках, а из самого факта общения носителей двух языков (К. Х. Ханазаров, Критерии двуязычия и его причины, стр. 123).

Правда, например, в статье В. А. Аврорина «Двуязычие и школа» представлена и иная точка зрения, согласно которой при двуязычии степень владения обоими языками приблизительно одинакова. Эта точка зрения квалифицируется в сборнике как лингвистическая, тогда как описанный выше подход считается социологическим. Более целесообразно в данном случае говорить о широким и узком понимании двуязычия. Приходится признать, что в случае двуязычия, как и в ряде других случаев в лингвистике, мы имеем дело с относительной по своей сути категорией, при определении которой неверно абсолютизировать какое-то одно из ее проявлений. Изучая двуязычие, как и любое относительное явление, необходимо определить его границы и выделить различные его степени, измеряя их (в тех или иных аспектах) объективными методами. В рассматриваемой книге предприняты попытки измерения эстонско-русского двуязычия (Э. Н. Пяльд и А. К. Рейцак).

Собственно многоязычие в меньшей степени, чем двуязычие, привлекло внимание авторов книги как в теоретическом, так и в практическом плане. Согласно определению В. А. Аврорина, двуязычие представляет собою разновидность многоязычия (стр. 49). Существует и противоположный подход к многоязычию как к разновидности двуязычия¹, но, впрочем, основные признаки обоих явлений в любом случае сходны, хотя у многоязычия имеется своя специфика. Иногда ее усматривают в том, что при многоязычии интерферирующее влияние на второй иностранный язык исходит не от родного, а от первого (по степени усвоенности) иностранного языка². По-видимому, вопрос еще более сложен: источники

влияния взаимодействуют, причем в случае переноса морфем и слов преобладает влияние первого иностранного языка, а в случае переноса функций преимущественно влияет родной язык полиглота³. Вместе с тем, параллелизм двуязычия и многоязычия снова свидетельствует о недопустимости абсолютизации слишком узкой их трактовки, так как при многоязычии возможность равно свободного и совершенного владения языками еще более понижается.

В литературе остается неуточненным вопрос, насколько понятие двуязычия может быть отнесено к владению разновидностями одного языка. Дело осложняется тем, что в ряде случаев существует постепенный, без отчетливых границ, переход между языками, начиная от чисто стилистических отличий до диалектных и языковых⁴. Действительно, границы этих явлений не всегда очевидны, особенно если апеллировать к прошлым состояниям языков (типа того факта, что хинди и урду ранее были стилями одного языка). Тем не менее, разграничить языки, особенно литературные, в большом числе случаев вполне возможно на основе как чисто лингвистических, так и социолингвистических критериев. В рецензируемой книге также можно встретить мнение, что владение литературной формой и диалектом одного языка является двуязычием (Л. И. Баранникова, Сущность интерференции и специфика ее проявления, стр. 95). Изучению такого русского литературно-диалектного двуязычия посвящена статья Т. С. Коготковой. Однако преобладает точка зрения, согласно которой понятие двуязычия в полном смысле этого термина относится к самостоятельным семиотическим системам, т. е. разным языкам. Необходимость разграничения языков и диалектов серьезно аргументирована в работах О. С. Ахмановой («Дихотомия „язык — диалект“ в свете проблем современного билингвизма», стр. 98—102) и Н. С. Катагощиной (стр. 69). Именно подобное двуязычие и рассматривается в подавляющем большинстве статей.

В уже упоминавшейся статье Ю. Д. Дешериева и И. Ф. Протченко дается анализ лингвистического, социологического, психологического и педагогического аспектов двуязычия. Авторы вполне обоснованно связывают лингвистический аспект билингвизма с анализом соотношения структур и структурных элементов двух языков и с языковыми контактами.

³ V. V i l d o m e s, Multilingualism, Leyden, 1963, стр. 171.

⁴ E. H a u g e n, Active methods and modern aids in the teaching of foreign languages, «Papers from the X Congress of the Fédération Internationale des professeurs de langues vivantes», London, 1972.

¹ См., например: A. v o n W e i s s, Hauptprobleme der Zweisprachigkeit, Heidelberg, 1961, стр. 19 и др.

² Л. Н. Р о д о в а, Об интерференции при изучении второго иностранного языка, сб. «Лингвистика и методика в высшей школе», IV, М., 1967, стр. 210.

Особое внимание уделено социологическому аспекту: при этом понятие двуязычия связывается с социальными функциями языков и вводятся ограничения в степени допустимой интерференции, при которой язык может выполнять те или иные функции. Говоря о месте двуязычия в жизни советского общества, авторы убедительно показывают положительную роль двуязычия как фактора развития взаимопонимания, сближения и дальнейшего расцвета советских народов.

Вопрос о типах двуязычия наиболее подробно разбирается в статье Т. А. Бертаева «Билингвизм и его равновидности в системе употребления». Автор исходит из ряда пересекающихся признаков: соприкосновения языков, степени владения вторым языком, уровня нормативности обоих языков, бытового или специального характера и, наконец, степени массовости двуязычия. Эта классификация служит еще одним доказательством относительности анализируемого явления. Кстати, исходя из классификации, можно отметить, что в монографии рассматриваются не все типы билингвизма, а преимущественно его проксимальные, активные и массовые формы, особенно распространенные в языках народов СССР.

Хотя основной пафос рецензируемой монографии состоит в изучении роли двуязычия в современности, прежде всего в советском обществе, правомерным является обращение к истории этого явления с целью выяснения специфики современного этапа. Этот малоизученный аспект билингвизма⁵ представлен в цитированной выше статье Ф. П. Филипа. Автор предложил убедительно обоснованную периодизацию двуязычия, связанную с историей общественно-экономических формаций. Тем самым становится возможным переход от абстрактной типологии двуязычия к изучению связи его реальных форм с его местом и функциями в изменяющейся общественной жизни. Работа Ф. П. Филипа доказывает несомненную зависимость от общества таких явлений, как, например, литературные языки, стили, диалекты, языковые контакты, билингвизм и мн. др., приобретающих во многом новое качество в новых социальных условиях.

По-новому поставлен вопрос о взаимоотношении категорий языка и мышления при двуязычии в одноименной статье В. З. Панфилова. Соотношение единиц

языка и единиц мышления несколько различается в разных языках. Различие структур синтаксического и логико-грамматического уровней заметнее в синтетических языках, а не в аналитических типа китайского. Неодинаково соотношение слов и понятий. Но именно в процессах интерференции при двуязычии, сближающих языки, заметна тенденция к установлению большего соответствия единиц языка и мышления. Тем самым выводы работы В. З. Панфилова принципиально опровергают релятивистские теории в языкознании. К данной работе тяготеет также заметка А. Л. Пумпянского, построенная на материале английской и русской научно-технической литературы.

Понятие интерференции рассматривается многими авторами монографии. Это естественно, если учесть важность этого понятия и в то же время недостаточную его определенность. В литературе нет единого мнения по вопросу о том, какое — положительное или отрицательное — влияние интерференции оказывает на речевую коммуникацию, каковы ее формы, в каких сферах она проявляется.

Термин «интерференция» пришел в лингвистику из разных наук и через разные языки. Основным его источником является физика, в нескольких областях которой он употребляется, начиная с середины XIX в., со значением наложения волн, ведущего к их взаимному усилению или ослаблению. В подобном значении он, вероятно, через акустику проник в языкознание, причем во французском языке он опирался и на общее значение «смешение» (как в *interférence des phénomènes différents*). Уже А. Мейе говорил о «*les interférences entre vocabulaires*»⁶; далее французская традиция распространилась, в частности, через работы А. Мартине и его ученика У. Вайнрайха. Вместе с тем, еще в XIX в. подобный термин употреблялся и в ассоциативной психологии со значением нарушения устойчивых ассоциаций, что могло относиться и к языку. Оттенки нарушения, помехи может усиливаться аналогией с английской технической, в особенности радиотерминологией. Известна также роль Пражской школы в распространении термина «интерференция»⁷.

По-видимому, в языкознании, как и в физике, интерференция может оказывать и ослабляющее, и усиливающее воздействие. В связи с этим вопросом необходимо также установить, в каких областях она способна проявляться. Авторы монографии, следуя общей традиции, от-

⁵ До настоящего времени мы располагали по этому вопросу, не считая кратких замечаний ряда авторов, только работой Г. Льюиса (G. Lewis, *Bilingualism — some aspects of its history*, в кн.: «*Bilingualism in education. Report of an International seminar*, Aberystwyth, Wales», London, 1965, стр. 64—84.

⁶ См.: A. Meillet, *Linguistique historique et linguistique générale*, 2, Paris, 1936, стр. 36—43.

⁷ См.: Б. Гавранек, К проблеме смещения языков, «Новое в лингвистике», VI, М., 1972, стр. 109.

носят ее то к языковой норме (М. М. Михайлов, *Двуязычие и взаимовлияние языков*, стр. 199), то к достаточно широко трактуемой структуре языка (например, Л. И. Баранникова, указ. раб., стр. 88). Но в распространенных определениях интерференции, связывающих ее с понятием нормы, норма едва ли трактуется строго терминологически. Если разграничивать в соответствии с известным членением Э. Косериу систему и норму и добавив к этому, что объективные нормативные закономерности есть не только в языке, но и в речи, то можно отнести понятие интерференции ко всем этим трем уровням.

К такому выводу в монографии приближаются Ю. Д. Дешериев и И. Ф. Протченко, а также Н. А. Баскаков, когда они называют в числе уровней, на которых — пусть в разной мере — возможны взаимовлияния языков, не только лексику, фонологию, грамматику, но и стилистику (стр. 28, 79—80). Л. И. Баранникова, впрочем, ограничивает возможность применения понятия интерференции, в частности, к лексике, так как связывает интерференцию, в отличие от заимствования, с изменением системных отношений в языке. Но такое разграничение весьма относительно, что признавал и его первый автор У. Вайпрайх. Поэтому можно согласиться с Ю. Д. Дешериевым и И. Ф. Протченко, которые отстаивают широкое понимание лингвистической интерференции (стр. 29—30).

По-видимому, еще к У. Вайпрайху восходит широко представленное в литературе, включая и рецензируемую монографию, противопоставление интерференции в языке и в речи как узуального и окказионального. Однако проблема соотношения языка и речи в данном случае более сложна. Сегодня едва ли можно согласиться с соскоровским пониманием речи как только мгновенного и индивидуального в противовес устойчивому и социальному в языке; социальное и индивидуальное, устойчивое и мгновенное диалектически сосуществуют и взаимодействуют и в самой речи. Поэтому точнее говорить об окказиональных интерференциях, затрагивающих как язык, так и объективные закономерности (норму) речи, в отличие от интерференций узуальных, ведущих к сближению систем и норм языков и норм речи.

Наконец, заметим, что при изучении интерференции внимание обычно обращается на явные ее формы, проявляющиеся во введении инноваций или в нарушениях структурных отношений. Значительно реже замечаются скрытые и косвенные проявления интерференции (нарушения традиционных вероятностно-статистических характеристик речи вплоть до полного отказа от использования некоторых элементов), хотя они могут не только сказываться на качестве речи, но

в дальнейшем и влиять на судьбу языка. В монографии также преобладают наблюдения над явными формами интерференции, хотя встречаются и замечания о косвенных ее формах: так, М. А. Габинский указывает, что в русской речи в Молдавии многие избегают употребления инфинитива, заменяя его в соответствии с общеполитической тенденцией равнозначным личным оборотом (стр. 205—206).

К более частным проблемам двуязычия, разбираемым в книге, можно отнести вопрос о взаимосвязи лексики и грамматики, о развитии семантических структур слов, об особенностях употребления терминов, собственных имен и аббревиатур при двуязычии, о влиянии билингвизма на культуру речи и др.

В основу статьи Т. П. Ломтева «Вопросы выбора глаголов при синтезировании предложения на неродном языке» положена конструктивная идея о взаимосвязи лексики и грамматики. Рассмотрев на уровне предложения валентностные и семантические связи ряда глаголов в русском, а частично и в чешском, литовском и немецком языках, Т. П. Ломтев приходит к выводу, что нередко нужно говорить не о лексической сочетаемости слов, а о законах структуры предложений и что лексическое не может быть полностью устранено из синтаксиса. Очевидно значение этих положений для двуязычия и обучения второму языку. К данной статье отчасти примыкает и конкретное исследование А. А. Давитиани, выполненное на грузинско-русском материале.

Интересный вопрос о роли двуязычия в развитии полисемии слов поднял Н. Г. Корлятух («Билингвизм и полисемантизм», стр. 125—126). То обстоятельство, что ряд звеньев в семантических структурах слов исторически отражает результаты языковых контактов, к сожалению, часто забывается семасиологами, а соответствующие исторические источники очень слабо отражаются в этимологических словарях.

А. И. Полторацкий избрал темой работы сопоставительный анализ лингвистической терминологии в английском и русском языках. Хотя сопоставительное (контрастивное) описание языков отличается от изучения двуязычия, связь обоих явлений общепризнана: сопоставление предсказывает потенциальные интерференции. Автор наметил систему соответствий терминов, разграничивая планы выражения и содержания и уделяя особое внимание интернациональным терминам. Более детальный учет отличий научных школ мог бы еще более усложнить картину соотношений терминов. Вопросу о способах передачи аббревиатур в условиях немецко-лужицкого двуязычия посвящена статья Л. И. Ройзензона и Р. И. Могилевского. Некоторые возможности переноса ономастических элементов из языка в язык рассмотрены

А. В. Суперанской. Автор останавливается на фонетико-акцентологическом освоении имен, возникновении двойной номенклатуры и др. Языковые контакты в области антропонимии описаны также на молдавско-славянском материале М. Косничану; к сожалению, здесь не показано место славянских имен в современной молдавской антропонимии.

В своей краткой заметке В. А. Ицкович и Б. С. Шварцкоф остановились на влиянии на первый язык пассивного двуязычия, при котором второй язык выступает только как средство восприятия письменной речи. Влияние, проявляющееся окказионально или узואльно в лексике, фразеологии, синтаксисе, может совпадать или не совпадать с тенденциями первого языка. Соответственно на него следует по-разному реагировать в работах по культуре речи.

Основная масса работ конкретного характера выполнена — в соответствии с главными задачами монографии — на материале языков народов СССР. Большинство авторов изучаются случаи национально-русского двуязычия, включая адыгейско-, белорусско-, бурятско-, грузинско-, калмыцко-, латышско-, литовско-, марийско-, молдавско-, нанайско-, осетинско-, таджикско-, татарско-, тофаларско-, тувинско- и туркменско-русское двуязычие. В целом эти статьи дают достаточно полную картину социальных условий, культурных и лингвистических последствий национально-русского двуязычия, правильно отражают прогрессивную роль этого вида двуязычия в советском обществе.

Здесь прежде всего выделяется ряд тщательно проведенных конкретно-социологических исследований двуязычия. Полные и хорошо обработанные данные о двуязычии и многоязычии в Латвийской ССР приводит А. И. Холмогоров (стр. 160—176). Интересны исследования, проведенные в Эстонской ССР: если Э. Пяль основывается на данных анкетного опроса билингвов, то А. К. Рейцак предлагает, кроме того, лингвистически обоснованные методы установления степени использования языков в различных коммуникативных сферах.

Собственно лингвистический аспект работ этого цикла разработан не всегда достаточно. Отличаются большей полнотой охвата фактов или свежестью приводимого фактического материала работы М. Г. Булахова об особенностях интерференции белорусского и русского языков (стр. 217—224), А. А. Дарбеевой о бурятско-русском двуязычии в условиях изолированного бурятского диалекта (стр. 191—195), А. А. Давитяни о грузинско-русской интерференции (стр. 344—356) и некот. др. В то же время многие лингвистические описания слишком кратки, их иллюстративный материал мало информативен, относится к лежащим на

поверхности фактам фонетики и лексики. В большей мере освещаются вопросы влияния русского языка, а не на русский язык. Но показательнее то, что именно авторы, изучающие русскую речь в условиях двуязычия, обращаются к более сложным для исследования вопросам синтаксиса: назовем, например, заметки А. К. Шагирова о русской речи в Кабарде, К. З. Чокаева — о русской речи в г. Грозном и т. д. Наблюдатели, интересующиеся преимущественно лексикой или даже фонетикой, приходят к тому же выводу, что и З. У. Блягоз, который констатирует, что «адыгейский язык оказывает незначительное влияние на русскую речь местного русского населения» (стр. 286). Только более широкое обращение к синтаксису и особенно — стилистике и учет скрытых и косвенных форм интерференции позволяют увидеть те местные, центробежные тенденции в функционировании русского языка, которые неизбежно сосуществуют с определяющими и основными центростремительными тенденциями, опирающимися на современную систему народного образования и массовых средств коммуникации.

При изучении национально-русского двуязычия должное внимание уделено его педагогическому аспекту. Предположение И. Эпштейна об отрицательном влиянии двуязычия на умственное развитие учащихся⁸ сегодня полностью опровергнуто. Об этом убедительно говорят факты, приводимые в монографии. В. А. Аврорин детально рассматривает вопрос о сочетании русского и местного языка в школах младописьменных малых народов Сибири. Е. Н. Ершова показывает один из путей опоры на родной язык при обучении русскому языку — использование общих для обоих языков, в частности интернациональных, элементов.

Значительный интерес представляют сравнительно менее многочисленные конкретные исследования двуязычия и многоязычия, которые построены на материале иных языков в СССР и за его пределами. Ю. С. Елисеев, опираясь на солидный статистический и социологический материал, описывает малоизвестную у нас историю возникновения финско-шведского двуязычия в Финляндии, показывает условия современного сосуществования обоих государственных языков и убедительно намечает перспективы дальнейшей финнизации страны. Оригинальный материал явно стоит также за публикациями К. М. Мусаева о развитии синтаксиса караимского языка в условиях шестивекового славянско-караимского двуязычия, И. Г. Абдуллаева о взаимовлиянии азербайджанского и иранских (курдского, талышского, татского) языков, В. Гу-

⁸ I. Epstein, La pensée et la polyglossie, Essai psychologique et didactique, Paris, 1915, стр. 86—87.

касяна об удинско-азербайджанско-руском (ранее — персидском) многоязычии в нескольких селениях Азербайджана и Грузии.

В целом книга «Проблемы двуязычия и многоязычия» представляет собой значительный шаг вперед в изучении названной проблематики. То обстоятельство, что при ее создании широко использован материал языков народов СССР и в ней

отражены достижения языкового строительства в нашей стране за пятьдесят лет, придает монографии наряду с научной ценностью несомненное общественно-политическое значение. Можно с уверенностью сказать, что выход ее будет стимулировать дальнейшее развитие исследований в этой области языкознания.

В. В. Акуленко

Chr. S. Stang. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. — Oslo — Bergen — Tromsø, Universitetsforlaget, 1972. 96 стр.

Книга норвежского языковеда профессора Хр. С. Станга в каком-то смысле является «юбилейной». Сто лет назад И. Шмидт на конгрессе филологов в Лейпциге выступил с докладом, которому потом было суждено стать одной из самых популярных книг сравнительно-исторического языкознания индоевропейских языков¹. В этой книге впервые подробно и систематически анализируются лексические соответствия германских балтийских и славянских языков и приводится 59 германо-балто-славянских слов, не отмеченных в других индоевропейских языках.

Целое столетие многие ученые изучали разные стороны отношений упомянутых языков и по отдельным вопросам часто приходили к противоречивым выводам, особенно при определении степени родства между германскими и балто-славянскими языками. Однако самый факт значительного совпадения лексики в этих языках является непреложным.

В рецензируемой книге Хр. С. Станг обобщает столетний опыт в изучении общей лексики славянских, балтийских и германских языков. По своим научным интересам и лингвистической подготовке Хр. С. Станг имеет все основания для того, чтобы взяться за эту задачу — для него и славистика, и балтистика, и германистика почти в равной мере являются «своими дисциплинами».

Написанию книги Хр. С. Станга предшествовали два издания на сходную тему, вышедшие в США и в Болгарии — Ф. Шерера² и Е. Георгиева³.

В книге Хр. С. Станга обсуждается около 300 славяно-балто-германских лексических соответствий. По степени надеж-

ности данные соответствия автор разделяет на три группы: 1) верные или почти верные (annähernd sicheren), 2) сомнительные, но нуждающиеся в обсуждении, 3) неверные, но допускающие обсуждение.

В этимологической работе такая «трехступенчатая» группировка очень себя оправдывает. Подобную группировку применял и советский лингвист В. В. Мартынов⁴.

К первой группе соответствий Хр. С. Станг относит 188 слов; из них 68 встречаются во всех трех группах языков, 66 являются только балто-германскими, а 54 — только славяно-германскими соответствиями. После рассмотрения общей славяно-балто-германской лексики в алфавитном порядке автор распределяет эту лексику по семантическим группам и пытается делать некоторые выводы более общего характера. Например, он замечает, что среди соответствий почти отсутствуют религиозные понятия, а также слова, связанные с абстрактным мышлением; не встречаются и термины родства. Слова, относящиеся к социальным явлениям, не многочисленны, но обозначают важные понятия, такие как «село», «люди», «товарищ по работе». Сравнительно много соответствий отмечено в области технической культуры; особенно многочисленны общие названия для орудий и предметов из дерева.

Автор не пытается дать подробную хронологическую классификацию совпадающей лексики и ограничивается лишь замечанием, что славяно-балто-германские соответствия не одинаковы по давности, но все относятся к той поре, когда предшественники балтийских, славянских и германских языков находились в соседстве и между ними существовали не языковые, а скорее лишь диалектные различия.

На наш взгляд, значителен вывод автора о древнепрорусско-германских лексических соответствиях. В последнее время

¹ J Schmidt, Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen, Weimar, 1872.

² P. H. Scherer, Germanic-Balto-Slavic etyma, Baltimore, 1941.

³ Е. Георгиев, Балто-славянско-германското родство, «Известия на семинара по славянска филология при Университета в София», кн. VIII—IX, 1948.

⁴ В. В. Мартынов, Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры, Минск, 1963.